

Джонатан
Свифт

Путешествия
ЛЕМЮЭЛЯ
ГУЛЛИВЕРА

Джонатан Свифт Путешествия Лемюэля Гулливера

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5311241

Путешествия Лемюэля Гулливера / Пер. с англ. Б. М. Энгельгардта:

РИМИС; Москва; 2010

ISBN 978-5-9650-0079-1

Аннотация

Страницы этой книги раскроют перед Вами захватывающую историю приключений английского врача и путешественника Лемюэля Гулливера, придуманную британским писателем Джонатаном Свифтом. Отплывая на торговом судне из родного города, Гулливер и не подозревал, чем закончится его очередное коммерческое предприятие. Это незатейливое поначалу путешествие принимает головокружительный оборот, когда судно терпит крушение у берегов неизведанной доселе земли...

Содержание

Часть первая. Путешествие в Лилипутию	6
Глава первая	6
Глава вторая	29
Глава третья	50
Конец ознакомительного фрагмента.	64
Комментарии	

Джонатан Свифт

Путешествия

Лемюэля Гулливера

©Б. М. Энгельгардт, перевод. Правонаследница, 2010

©Издательство «РИМИС», издание, оформление, 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Текст печатается по изданию: Джонатан Свифт «Путешествия Лемюэля Гулливера» («Библиотека приключений»). М., Детгиз, 1955. Иллюстрации – Жана Гранвиля.

Издательство «РИМИС» выражает благодарность сотрудникам Библиотеки № 30, филиала государственного бюджетного учреждения культуры г. Москвы «Централизованная библиотечная система №1 Северо-Западного административного округа». Издательство «РИМИС» выражает благодарность Ученому секретарю Всероссийской Государственной Библиотеки Иностранной Литературы им. М. И. Рудо-

мино Скороденко Владимиру Андреевичу за оказание помощи в работе над книгой.

Часть первая.

Путешествие в Лилипутию

Глава первая

Автор сообщает кое-какие сведения о себе и о своем семействе. Первые побуждения к путешествиям. Он терпит кораблекрушение, спасается вплавь и благополучно достигает берега страны лилипутов. Его берут в плен и увозят вглубь страны.

Я уроженец Ноттингемпшира, где у моего отца было небольшое поместье. Когда мне исполнилось четырнадцать лет, отец послал меня в колледж Иманьюела в Кембридже. Там я пробыл три года, прилежно занимаясь науками. Однако отцу было не по средствам дольше содержать меня в

колледже, поэтому он взял меня оттуда и отдал в учение к выдающемуся лондонскому врачу мистеру Джемсу Бетсу, у которого я провел четыре года. Все деньги, какие изредка присылал мне отец, я тратил на изучение навигации и других отраслей математики. Эти науки всегда могли пригодиться в путешествии, а я был убежден, что судьба предназначила мне сделаться путешественником. Покинув мистера Бетса, я возвратился домой, в Ноттингемпшир. При поддержке отца, дяди Джонса и других родственников мне удалось собрать сорок фунтов, и я решил отправиться для продолжения образования в Лейден. Родные обещали высылать мне каждый год тридцать фунтов. В Лейдене я в течение двух лет и семи месяцев изучал медицину, зная, что она мне пригодится в далеких путешествиях.

По возвращении из Лейдена я, с помощью моего доброго учителя мистера Бетса, устроился хирургом на судно «Ласточка», которым командовал капитан Эйбрегем Пеннелл. На этом судне я прослужил три с половиной года и совершил несколько путешествий в Левант и другие страны. Вернувшись на родину, я решил поселиться в Лондоне. Мистер Бетс вполне одобрил мое решение и рекомендовал меня нескольким пациентам. Я снял часть небольшого дома на Олд-Джури и, по совету друзей, женился на мисс Мери Бертон, второй дочери мистера Эдмонда Бертона, чулочника с Ньюгет-стрит, за которой взял четыреста фунтов приданого.

Спустя два года мой добрый учитель Бетс умер; мой за-

работок сильно сократился. Друзей у меня было мало, а совесть не позволяла мне подражать дурным приемам многих моих собратьев по профессии. Вот почему, посоветовавшись с женой и с некоторыми знакомыми, я решил снова сделаться моряком. В течение шести лет я служил судовым хирургом, переменял два корабля и совершил несколько путешествий в Ост– и Вест-Индию. На этой службе я несколько поправил свои дела.

Уходя в плавание, я всегда запасался большим количеством книг и все свободное время посвящал чтению лучших писателей, древних и новых, а высаживаясь на берег, наблюдал нравы и обычаи туземцев и изучал их язык. Благодаря хорошей памяти это давалось мне очень легко.

Последнее из этих путешествий оказалось не очень удачным. Море мне надоело, и я решил остаться дома с женой и детьми. Я переехал с Олд-Джури на Фегтер-Лейн, а оттуда в Уоппинг, рассчитывая получить практику среди моряков, но мои расчеты не оправдались. После трех лет бесплодных ожиданий я принял выгодное предложение капитана Вильяма Причарда, владельца «Антилопы», отправиться с ним в Южное море¹.

Мы отплыли из Бристоля 4 мая 1699 года. Вначале наше путешествие было очень удачно. Попутные ветры быстро несли нас вперед, и вскоре мы взяли курс на Ост-Индию. Но как раз в это время разразилась страшная буря. Ураган

¹ Южное море – старинное название южной части Тихого океана.

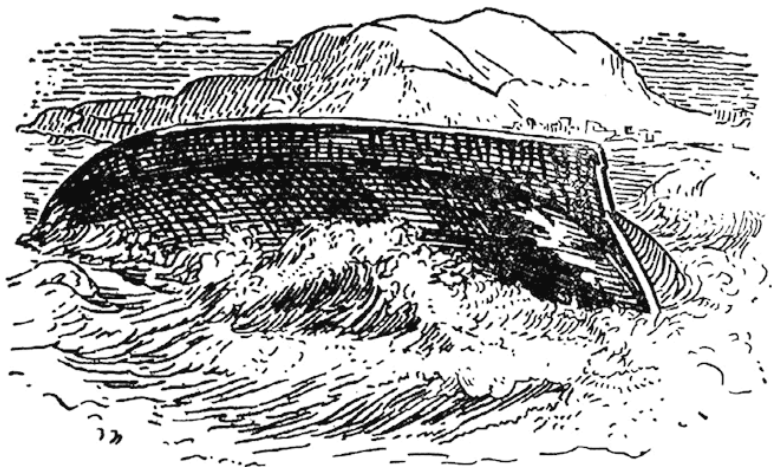
отнес нас к северо-западу от Вандименовой Земли^{[1]2}. Мы находились на 30°2' южной широты. Двенадцать человек из нашего экипажа умерли от переутомления и дурной пищи, остальные были очень изнурены. 5 ноября (начало лета в тех местах) сильный ветер продолжал гнать нас вперед и вперед, стоял густой туман. Внезапно на расстоянии какого-нибудь полукабельтова³ от корабля показались буруны. Страшный порыв ветра подхватил корабль и помчал на скалу; предпринимать что-либо было поздно. Корабль налетел на камни и мгновенно разбился.

Шестерым из экипажа, в том числе и мне, удалось спустить шлюпку и отъехать от корабля и скалы. По моему расчету, мы прошли на веслах только около трех миль⁴. Последние дни всем нам пришлось так много работать на корабле, что теперь мы были не в силах грести дальше. Мы побросали весла и отдались на волю волн. Через полчаса налетевший с севера шквал опрокинул нашу лодку. Не знаю, что случилось с моими спутниками, находившимися в лодке, а также с теми, кто искал спасения на скале или остался на корабле. Думаю, что все они погибли.

² Примечание к словам, отмеченным звездочкой, см. в конце книги.

³ Полукабельтов – английская морская мера длины. Один кабельтов равен 183 метрам.

⁴ Имеется в виду морская миля, равная 10 кабельтовым.

Сам я, очутившись в воде, поплыл куда глаза глядят, подгоняемый ветром и течением. Несколько раз я пытался нащупать дно. Наконец, когда я уже почти совсем выбился из сил и не мог больше бороться с волнами, я почувствовал под собою землю.

К этому времени и буря стала заметно стихать. Дно оказалось настолько отлогим, что мне пришлось брести по воде добрую милю, прежде чем я достиг берега. Было уже, должно быть, около восьми часов вечера. Я прошел вглубь страны на полмили, но нигде не мог найти никаких признаков домов или жителей. От усталости, жары и полупинты⁵ водки, которую я выпил, покидая корабль, меня сильно клонило ко сну. Я лег на траву, очень низкую и мягкую, и заснул так крепко, как не спал никогда в жизни.

По моему расчету, сон мой продолжался не менее девяти часов, потому что, когда я проснулся, было уже совсем светло. Я попробовал встать, но не мог пошевелиться. Мои руки

⁵ Пинта – английская мера жидкости, около $\frac{1}{2}$ литра.

и ноги — а я лежал на спине — были прочно прикреплены к земле. Точно так же были притянуты к земле мои длинные и густые волосы. Вместе с тем я чувствовал, что все мое тело от подмышек до бедер перетянато множеством тонких шнурков. Я мог смотреть только вверх; солнце начинало жечь, и свет его слепил мне глаза. Я слышал какой-то смутный шум, но, лежа на спине, не мог видеть ничего, кроме неба.

Вскоре я почувствовал, как что-то живое задвигалось у меня на левой ноге, осторожно пробралось мне на грудь и приблизилось к подбородку. Опустив глаза, я различил перед собой человека ростом не более шести дюймов, с луком и стрелой в руках и колчаном за спиной. В то же время я почувствовал, что за ним следует еще по крайней мере около сорока подобных ему созданий. От изумления я так громко вскрикнул, что, соскакивая с меня на землю, некоторые из них получили ушибы. Однако они скоро вернулись. Один смельчак рискнул подойти так близко к моему лицу, что мог видеть его целиком. В знак изумления он поднял руки, закатил глаза и крикнул пронзительным, но четким голосом: «Гекина дегуль!» Другие несколько раз повторили эти слова, но тогда я еще не знал, что они значат.

Все это время, как читатель легко может себе представить, я лежал в самой неудобной позе. Наконец, после некоторых усилий, мне удалось порвать веревочки, опутывавшие мою левую руку, и выдернуть из земли колышки, к которым они были прикреплены. Я поднес руку к глазам и тут только понял, на какие хитрости они пустились, чтобы связать меня.

Резким движением головы, что причинило мне нестерпимую боль, я немного ослабил шнурки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Теперь я мог повернуть голову на два дюйма вправо. Но маленькие создания снова разбежались, и я не успел поймать ни одного из них.

Вслед за тем раздался пронзительный крик многих голосов. Когда он затих, я услышал, как кто-то громко воскликнул: «Только фонак!» В то же мгновение я почувствовал, как больше сотни стрел впилось в мою левую руку. Они кололи меня, как иголки. Тотчас последовал новый залп. Теперь они стреляли в воздух, как у нас в Европе стреляют бомба-

ми. Полагаю, что на мое тело (хотя я этого не почувствовал) обрушился целый град стрел. Несколько попало мне в лицо, которое я поспешил прикрыть рукой. Я застонал от досады и боли и сделал новую попытку освободиться. Но эти создания дали третий залп, еще более сильный, чем первый; некоторые из них стали колоть меня копьями в бока, но, к счастью, на мне была куртка из буйволовой кожи, которую они не могли пробить.

Я рассудил, что благоразумнее всего пролежать спокойно

до наступления ночи. В темноте мне нетрудно будет освободиться при помощи левой руки. Я имел все основания думать, что если все обитатели этой страны такой же величины, как те, которых я видел, то я легко справлюсь с любой армией, которую они могут выставить против меня.

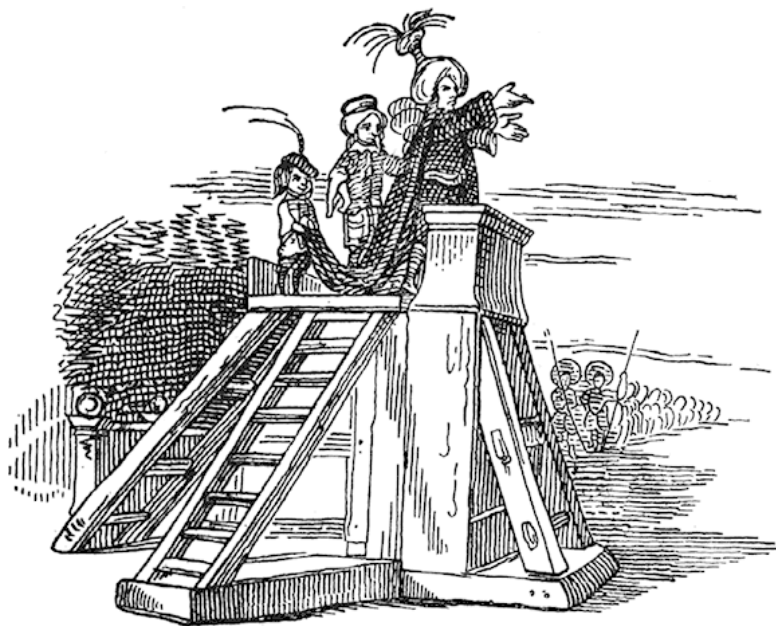
Однако судьба распорядилась мной иначе. Убедившись, что я лежу спокойно, люди эти перестали стрелять, но по доносившемуся шуму я догадался, что число их возросло. Справа от меня, прямо против моего уха, раздавался какой-то стук, словно неподалеку что-то строили. Стук этот продолжался более часа. С большими усилиями я повернул голову в ту сторону и ярдах⁶ в четырех от себя увидел помост высотой примерно в полтора фута. На этом помосте могло поместиться три-четыре туземца. Один из них, по-видимому, знатная особа, взобрался туда в сопровождении свиты из трех человек и обратился ко мне с длинной речью, из которой я ни слова не понял.

Следует упомянуть, что, прежде чем начать говорить, этот вельможа трижды крикнул: «Ленгро дегиль сан!» Услышав эти слова, человек пятьдесят туземцев тотчас приблизились ко мне и перерезали веревочки, прикреплявшие мои волосы с левой стороны. Это дало мне возможность повернуть голову направо и подробно рассмотреть внешность и жесты говорившего.

На вид ему было лет сорок; ростом он значительно пре-

⁶ Ярд равен 91,4 сантиметра.

восходил своих спутников. Один из них – чуть побольше моего среднего пальца, по-видимому паж, – держал его шлейф, а двое других стояли по сторонам. Он говорил, как настоящий оратор. В некоторых местах его речи звучали угрозы, в других – обещания, жалость и благосклонность.

Я отвечал кратко, но с самым покорным видом и в заключение поднял левую руку и глаза к солнцу, словно призывая его в свидетели. Я почти умирал от голода (в последний раз я

ел на корабле за несколько часов до крушения), поэтому я не мог сдержать своего нетерпения и, вопреки правилам приличия, поминутно подносил палец ко рту, желая этим показать, что хочу есть.

Гурго (так они называют вельмож, как я узнал впоследствии) отлично меня понял. Он сошел с помоста и приказал приставить к моим бокам несколько лестниц. Более сотни туземцев, нагруженных корзинами с различными кушаньями, взобрались по этим лестницам и направились к моему рту.

Кушанья были доставлены сюда по повелению монарха, как только до него дошло известие обо мне. Они были приготовлены из мяса различных животных, но я не мог разобрать по вкусу, каких именно. Тут были лопатки, окорока и филейные части, с виду напоминавшие бараньи, но размером меньше крылышек жаворонка. Я клал их в рот по две-три штуки сразу и заедал тремя караваем хлеба, каждый величиной не более ружейной пули. Человечки прислуживали мне весьма расторопно и тысячью знаков выражали свое удивление моему росту и аппетиту.

Насытившись, я сделал знак, что хочу пить. Это был смысленный и изобретательный народец. По количеству съеденного мной они заключили, что малым меня не удовлетворить, и необычайно ловко втащили на меня с помощью веревок одну из самых больших бочек, подкатали ее к моей руке и вышибли дно. В бочке вмещалось не больше полупин-

ты вина, и я выпил ее залпом. Вино напоминало легкое бургундское, но было гораздо приятнее на вкус. Они принесли мне вторую бочку, которую я осушил таким же образом, и знаками потребовал еще, но больше у них не оказалось.

Когда я проделал эти чудеса, человечки завопили от радости и пустились в пляс у меня на груди, все время повторяя свое первое восклицание: «Гекина дегуль!» Они знаками предложили мне сбросить обе бочки на землю, но сначала громкими криками «Борач мивола!» предупредили стоявших внизу, чтобы те посторонились. Когда бочки взлетели на воздух, раздался дружный крик: «Гекина дегуль!»

Признаться, меня не раз брало искушение схватить первых попавшихся под руку сорок или пятьдесят человек, когда они расхаживали взад и вперед по моему телу, и швырнуть их на землю. Но память о том, что мне уже пришлось испытать – они, вероятно, могли причинить мне еще больше неприятностей, – и слово чести, которое я им дал – ибо я так толковал выказанную мной покорность, – скоро прогнали всякие помыслы об этом. Кроме того, я считал себя связанным законом гостеприимства с народом, который не пожалел затрат и устроил мне такое великолепное угощение. Во всяком случае, я не мог надивиться неустрашимости

этих крошечных созданий. Я должен был казаться им каким-то гигантским чудовищем, а они смело взбирались на меня и разгуливали по всему телу, не обращая никакого внимания на то, что у меня одна рука свободна.

Спустя некоторое время передо мной предстала высокопоставленная особа – посол его императорского величества. Его превосходительство, взобравшись на мою ногу, проследовал к моему лицу в сопровождении многочисленной свиты. Он предъявил мне свои верительные грамоты⁷ с императорской печатью, поднеся их к моим глазам и обратился ко мне с речью. Посол говорил минут десять без всяких признаков гнева, но с видом непреклонной решимости. При этом он часто показывал рукой куда-то в сторону. Как я узнал позднее, речь шла о том, что его величество вместе с государственным советом постановили перевезти меня в столицу, находившуюся на расстоянии полумили отсюда.

В ответ на его речь я произнес несколько слов, но их никто не понял. Тогда я прибегнул к помощи знаков. Я прикоснулся свободной рукой к другой руке, а затем к голове и к телу, показывая этим, что я желаю получить свободу. По-видимому, его превосходительство хорошо понял смысл этих жестов, потому что покачал отрицательно головой и знаками объяснил мне, что меня повезут как пленника. Однако он дал понять, что обращаться со мной будут хорошо.

⁷ Верительные грамоты – документы, свидетельствующие о назначении дипломатического представителя в иностранную державу.

Тут я снова подумал, не попытаться ли мне разорвать мои узы. Но жгучая боль лица и рук, покрытых волдырями от вонзившихся в кожу стрел, заставила меня отказаться от этого намерения. К тому же я заметил, что число моих неприятелей непрерывно возрастает. Поэтому я знаками дал понять, что они могут поступать со мной, как им угодно. После этого гурго и его свита весьма учтиво мне поклонились и удалились, заметно повеселев.

Вскоре послышались восторженные крики, среди них часто повторялись слова: «Пепломселан». Внезапно я почувствовал, что толпа стороживших меня туземцев ослабила державшие меня слева веревки, так что я мог повернуться на правый бок. Еще раньше мои лицо и руки смазали какой-то приятно пахнувшей мазью, которая сразу же успокоила жгучую боль, причиненную стрелами. Я успокоился, и меня потянуло ко сну. Я проспал, как мне сказали потом, около восьми часов. В этом не было ничего удивительного, так как по приказанию императора врачи подмешали в бочки с вином сонного зелья.

По-видимому, дело обстояло так: едва император получил донесение обо мне, он в согласии с советом отдал распоряжение, чтобы меня немедленно связали (это было исполнено ночью, пока я спал). Он повелел также накормить меня, когда я проснусь, и приготовить машину для перевозки меня в столицу.

На первый взгляд такое решение может показаться черес-

чур смелым и опасным. Я уверен, что ни один европейский монарх не рискнул бы поступить таким образом.

Однако, по моему мнению, распоряжение императора было столь же благоразумным, как и великодушным. В самом деле, допустим, что эти люди попытались бы убить меня во время сна. При первом же нападении я бы непременно проснулся от боли и мог прийти в такую ярость, что сразу разорвал бы веревки и, в свою очередь, напал бы на них. Вполне понятно, что они не могли ожидать от меня пощады.

Люди эти – превосходные математики и благодаря поддержке и поощрению императора, известного покровителя наук, достигли большого совершенства в механике.

В распоряжении этого монарха имеются разные машины на колесах для перевозки бревен и других больших тяжестей. Здесь принято строить самые крупные военные корабли – до девяти футов длины – в местах, где растет строевой лес. Затем их поднимают на эти машины и перевозят к морю.

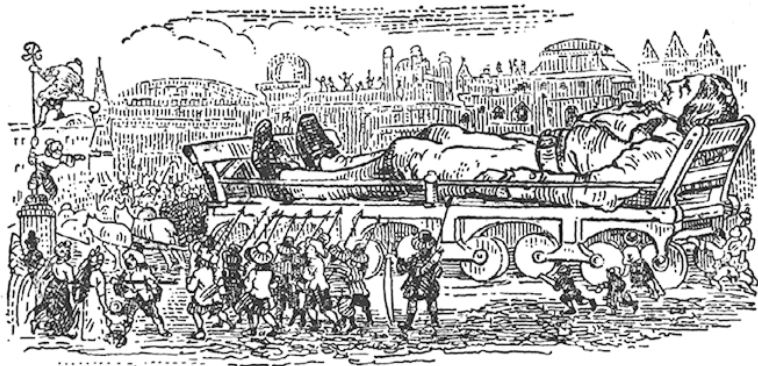
Пятистам плотникам и инженерам было поручено немедленно приготовить самую большую из таких машин. Приказ был выполнен в кратчайший срок. Не прошло, кажется, и четырех часов, как я выбрался на берег, а машина уже отправилась за мной. Ее прибытие к месту, где я находился, народ встретил радостными криками. Это была деревянная платформа, возвышавшаяся на три дюйма над землей, около семи футов в длину и четырех в ширину на двадцати двух колесах. Ее поставили возле меня параллельно моему туло-

вищу.

Главная трудность заключалась в том, чтобы поднять и уложить меня на платформу. С этой целью вбили восемьдесят столбов, каждый вышиной в один фут, потом рабочие обвязали мою шею, руки, туловище и ноги бесчисленными повязками с крючками; к этим крючкам прицепили крепкие канаты толщиной с упаковочную бечевку и перекинули их через блоки, насаженные на столбы. Девятьсот самых сильных рабочих принялись тянуть за канаты, и таким образом меньше чем в три часа меня подняли на повозку и крепко привязали к ней.

Все это мне рассказали позже. Благодаря снотворной микстуре я был погружен в глубокий сон и не чувствовал, что со мной делают.

Понадобилось полторы тысячи самых крупных лошадей из придворных конюшен, каждая вышиной в четыре с половиной дюйма, чтобы довезти меня до столицы, которая, как я уже сказал, отстояла на полмили.

Мы были в дороге часа четыре, когда меня разбудило забавное происшествие. Повозка остановилась для какой-то починки. Воспользовавшись этим, два или три молодых туземца захотели взглянуть какой у меня вид, когда я сплю. Они взобрались на повозку и тихонько прокрались к моему лицу. Один из них, гвардейский офицер, довольно глубоко засунул мне в левую ноздрю острие пики. Я громко чихнул, как от прикосновения соломинки, и проснулся. Храбрецы незаметно скрылись. Только через три недели я узнал причину моего внезапного пробуждения.

Мы провели в дороге весь день. На ночлеге по бокам моей повозки было поставлено около пятисот гвардейцев. Половина из них держала факелы, остальные стояли с луками наготове, чтобы стрелять в меня при первой моей попытке подняться.

С восходом солнца мы снова тронулись в путь и к полудню были в двухстах ярдах от городских ворот. Император со всем своим двором выступил нам навстречу, но высшие сановники решительно воспротивились тому, чтобы его величество подвергал свою особу опасности, поднявшись на меня.

Повозка остановилась возле древнего храма, который считался самым большим во всем королевстве. Несколько лет тому назад в этом храме было совершено ужасное убийство. Местное население, отличающееся большой набожностью,

сочло храм оскверненным и перестало посещать его. Храм закрыли, вынесли из него всю утварь и украшения, и он долгое время стоял пустым. В нем-то и решено было поместить меня.

Выходившие на север двери этого здания имели около четырех футов в высоту и около двух футов в ширину, так что я довольно легко мог в них пролезть. По обе стороны дверей, на высоте всего шести дюймов от земли, было два окошка. Сквозь левое окошко придворные кузнецы пропустили девяносто одну цепочку толщиной с часовые цепочки у европейских дам и замкнули их на моей левой ноге тридцатью шестью висячими замками. По другую сторону большой дороги, прямо против этого храма, стояла башня высотой не менее пяти футов. Император в сопровождении первых сановников поднялся туда, чтобы получше разглядеть меня. С этой же целью возле храма перебивало, как показал специальный подсчет, свыше ста тысяч горожан. Думаю, что не менее десяти тысяч из них взбирались на меня. Но вскоре был издан приказ, запрещающий это под страхом смертной казни.

Закончив свою работу, кузнецы перерезали связывавшие меня веревки, и я поднялся в таком печальном расположении духа, какого не испытывал никогда в жизни.

Шум и изумление толпы, наблюдавшей, как я встал и пошел, не поддаются описанию. Цепь, к которой я был прикован, была длиной около двух ярдов, и я имел возможность не только прохаживаться взад и вперед, описывая полукруг, но

и заползать в храм и лежать в нем, вытянувшись во весь рост.

Глава вторая

Император Лилипутии в сопровождении многочисленных вельмож посещает автора. Описание наружности и одежды императора. Ученым поручают обучить автора языку лилипутов. Своим кротким поведением он завоевывает благосклонность императора. В карманах автора производят обыск. У него отбирают саблю и пистолеты.

Поднявшись на ноги, я осмотрелся кругом. Должен признаться, что мне никогда не случалось видеть такого забавного и интересного пейзажа. Вся окружающая местность представлялась сплошным садом; огороженные поля, из которых каждое занимало не более сорока квадратных футов, были похожи на цветочные клумбы. Эти поля чередовались с лесами площадью в полстанга; самые высокие деревья, насколько я мог судить, были не более семи футов высоты. Налево лежал город, имевший вид театральной декорации.

Пока я любовался этой необычайной картиной, император спустился с башни и направился ко мне верхом на лошади. Он едва не поплатился очень дорого за такую смелость. При виде меня лошадь испугалась и взвилась на дыбы; должно быть, ей показалось, что на нее движется гора. Император был превосходным наездником и удержался в седле. Тут, к счастью, подоспели слуги. Они схватили бившегося коня под уздцы и помогли его величеству сойти. Император сохранял

полное спокойствие. Оправив костюм, он принялся внимательно оглядывать меня со всех сторон. Он приказал стоявшим наготове поварам и дворецким подать мне есть и пить. Те подкатили тележки с пищей и вином на такое расстояние, чтобы я мог достать их. Я брал их и быстро опорожнял. В двадцати тележках находились кушанья, в десяти – напитки. Каждая тележка с провизией уничтожалась мной в два или три глотка, а что касается вина, то я вылил содержимое десяти глиняных фляжек в одну повозочку и разом осушил ее; так же я поступил и с остальным вином.

Императрица, молодые принцы и принцессы вместе с придворными дамами сидели в креслах, расставленных поодаль, но после приключения с лошадыю все они встали и подошли к императору.

Теперь я постараюсь описать наружность его величества. Он почти на мой ноготь выше своих придворных; одного этого было довольно, чтобы внушать почтительный страх окружающим. Черты лица его были резки и мужественны; губы слегка вывернутые, нос орлиный, цвет лица оливковый, стан прямой, руки и ноги красивой формы, движения грациозные, осанка величественная^[2]. Император не первой молодости – ему двадцать восемь лет и девять месяцев^[3]; и он благополучно царствует уже семь лет. Чтобы лучше рассмотреть его величество, я лег на бок, так что мое лицо пришлось как раз против него, причем он стоял на расстоянии всего трех ярдов от меня. Впоследствии мне не раз случалось брать его

на руки, и потому я не мог ошибиться в его описании.

Одежда императора очень скромная и простая; покрой ее — нечто среднее между азиатским и европейским; на голове надет легкий золотой шлем, украшенный драгоценными камнями и пером на шишаке. Опасаясь, как бы я не разорвал цепь, он на всякий случай держал в руке обнаженную шпагу. Длина шпаги достигала трех дюймов, ее золотой эфес и ножны украшены брильянтами. Голос его величества пронзительный, но чистый и до такой степени внятный, что даже стоя я мог отчетливо его слышать.

Дамы и придворные были великолепно одеты. Их пестрая толпа выглядела издали словно разостланная на земле пышная юбка, вышитая золотом и серебром^[4].

Его императорское величество часто обращался ко мне с

вопросами. Я отвечал ему, но ни он, ни я не понимали ни слова из того, что говорили друг другу. Тогда он приказал священникам и юристам (так я заключил по их костюму) из своей свиты вступить со мной в разговор. Я, в свою очередь, заговаривал с ними на всех языках, какие были мне знакомы: по-немецки, по-голландски, по-латыни, по-французски, по-испански, по-итальянски, но все эти попытки не привели ни к чему.

Спустя два часа двор удалился, и я остался под сильным караулом — для охраны от дерзких, даже злобных выходок черни, которая настойчиво стремилась протиснуться поближе ко мне. У некоторых хватило бесстыдства пустить в меня несколько стрел, пока я сидел на земле у дверей моего дома. Одна из них едва не угодила мне в левый глаз.

Рассерженный этими выходками, полковник приказал схватить шестерых зачинщиков. Чтобы наказать их, он решил передать их в мои руки. Солдаты, действуя тупыми концами пик, подогнали озорников ко мне. Я сгреб их всех в правую руку, пятерых положил в карман камзола, а шестого взял и поднес ко рту, делая вид, будто хочу съесть его живьем. Бедный человечек отчаянно завизжал, а полковник и офицеры сильно встревожились, когда увидели, что я вынул из кармана перочинный нож. Но скоро они успокоились. Ласково глядя на моего пленника, я разрезал связывавшие его веревки и осторожно поставил на землю; он миглом убежал. Точно так же я поступил и с остальными, вынимая их

по очереди из кармана. Я заметил, что караульные и толпа остались очень довольны моим милосердием. Мой поступок с обидчиками произвел очень выгодное для меня впечатление при дворе.

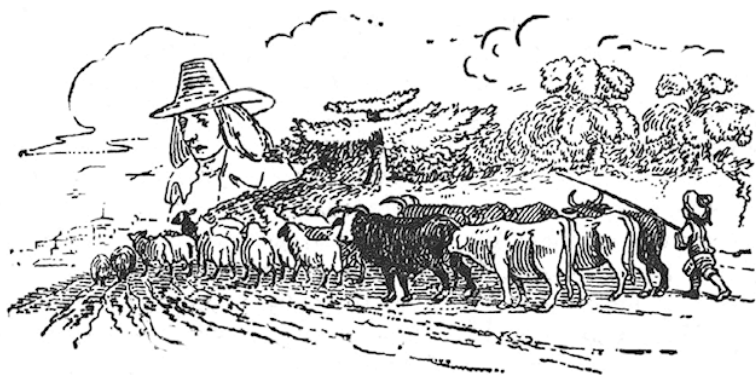
С наступлением ночи я не без труда забрался в свой дом и лег на голой земле. Так я проводил ночи около двух недель, пока по специальному приказанию императора для меня изготовляли матрац и другие постельные принадлежности.

Привезли шестьсот матрацев обыкновенной величины, и в моем доме началась работа. Сто пятьдесят штук были сшиты вместе, и таким образом получился один матрац, подходящий для меня в длину и ширину; четыре таких матраца положили один на другой; но твердый каменный пол, на котором я спал, не стал от этого намного мягче. По такому же расчету были изготовлены простыни, одеяла и покрывала.

Для человека, давно привыкшего к лишениям, и это было хорошо.

Едва весть о моем появлении пронеслась по королевству, как отовсюду начали стекаться толпы богатых, досужих и любопытных людей, чтобы взглянуть на меня. Деревни почти опустели, полевые работы приостановились, домашние дела пришли в расстройство. Все это могло бы окончиться весьма плачевно, если бы не мудрые распоряжения его величества. Он повелел всем, кто уже видел меня, немедленно возвратиться домой; им было воспрещено вновь приближаться к моему жилищу на расстояние меньше пятидесяти ярдов без особого разрешения двора. Это распоряжение послужило для некоторых министров источником крупных доходов.

Посетив меня, император созвал совет, на котором обсуждался вопрос о том, как поступить со мной. Позднее я узнал от одного знатного придворного, сделавшегося моим близким другом, что государственный совет долгое время не мог прийти к определенному решению. С одной стороны, боялись, чтобы я не разорвал цепи; с другой – возникали опасения, что мое содержание окажется слишком дорогим и может вызвать в стране голод. Некоторые из членов совета настаивали на том, чтобы уморить меня голодом или же умертвить при помощи отравленных стрел. Однако это предложение было отвергнуто на том основании, что разложение такого громадного трупa может вызвать чуму в столице и во всем королевстве.

В самый разгар совещания у дверей большого зала совета появилось несколько офицеров; двое из них были допущены в собрание и представили подробный доклад о моем поступке с шестью упомянутыми озорниками. Это произвело чрезвычайно благоприятное впечатление на его величество и весь государственный совет. Император немедленно издал приказ, который обязывал все деревни, находящиеся в пределах девятисот ярдов от столицы, доставлять каждое утро шесть быков, сорок баранов и другую провизию для моего стола вместе с соответствующим количеством хлеба и вина. За все это уплачивалось по установленной таксе из собственной казны его величества. Следует заметить, что этот монарх живет главным образом на доходы от своих имений и только

в самых исключительных случаях обращается за помощью к своим подданным.

Кроме того, при мне учредили штат прислуги в шестьсот человек. Император ассигновал на их содержание особые средства и распорядился раскинуть для них удобные палатки по обеим сторонам моего дома. Кроме того, был отдан приказ, чтобы триста портных сшили для меня костюм местного фасона и чтобы шестеро самых выдающихся ученых занялись моим обучением местному языку. В заключение император распорядился, чтобы лошадей, принадлежащих императору, придворным и гвардии, по возможности чаще тренировали в моем присутствии с целью приучить их ко мне.

Все эти приказы были исполнены в точности. Спустя три недели я сделал большие успехи в изучении лилипутского языка. В течение этого времени император часто удостаивал меня своими посещениями и милостиво помогал моим наставникам обучать меня. Мы могли уже объясняться друг с другом. Первые слова, которые я выучил, выражали желание, чтобы его величество соизволил даровать мне свободу. Слова эти я ежедневно на коленях повторял императору. На мою просьбу император отвечал несколько уклончиво. Насколько я мог понять, он говорил, что для моего освобождения необходимо согласие государственного совета и что прежде всего я должен «люмоз кельмин пессо деемарлон Эмпозо», то есть дать клятву сохранять мир с ним и его империей. Впрочем, добавил он, мое освобождение есть толь-

ко вопрос времени, и советовал мне терпением и скромностью заслужить доброе имя как в его глазах, так и в глазах его подданных.

Однажды он попросил меня не счесть за оскорбление, если он отдаст приказание особым чиновникам обыскать меня. Он убежден, что я ношу при себе оружие, которое, судя по огромным размерам моего тела, должно быть очень опасным. Я просил его величество не беспокоиться на этот счет и заявил, что готов раздеться и вывернуть карманы в его присутствии. Все это я объяснил частью словами, частью знаками. Император ответил мне, что по законам империи обыск должен быть произведен двумя чиновниками.

«Разумеется, – сказал он, – я понимаю, что это требование закона не может быть исполнено без вашего согласия и помощи, но я такого высокого мнения о вашем великодушии и справедливости, что спокойно передам этих чиновников в ваши руки. Вещи, отобранные ими, будут возвращены вам, когда вы покинете эту страну, или же вам заплатят за них столько, сколько вы сами назначите».

Я взял обоих чиновников в руки и положил их в карманы камзола. Когда они закончили осмотр этих карманов, я переложил их в другие. Я показал им все карманы, кроме двух часовых и одного потайного, где лежало несколько мелочей, никому, кроме меня, не нужных. В часовых карманах лежали: в одном – серебряные часы, а в другом – кошелек с несколькими золотыми. Чиновники запаслись бумагой, пе-

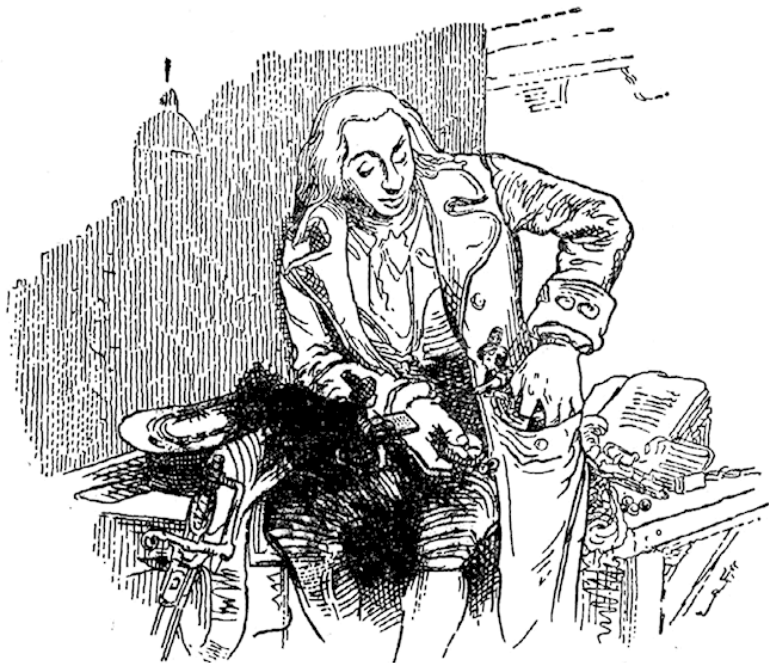
рьями и чернилами и составили подробную опись всему, что нашли^[5]. Когда опись была закончена, они попросили меня высадить их на землю. Свою опись они представили императору. Позднее я перевел ее на английский язык. Вот она слово в слово:

«Тщательно осмотрев правый карман камзола великого Человека-Горы (так я перевожу слова «Куинбус Флестрин»), мы нашли там только большой кусок грубого холста, который по своим размерам мог бы служить ковром для главной парадной залы дворца вашего величества. В левом кармане оказался громадный серебряный сундук с крышкой из того же металла, которую мы, досмотрщики, не могли поднять. По нашему требованию Человек-Гора открыл сундук. Один из нас вошел туда и по колени погрузился в какую-то пыль. Эта пыль, поднявшись в воздух, заставила нас обоих несколько раз громко чихнуть.

В правом кармане жилета мы нашли громадную кипу тонких белых листов, сложенных вместе и перевязанных прочными канатами. Листы покрыты какими-то черными знаками. По нашему скромному предположению, эти знаки не что иное, как письмена; каждая буква равняется половине нашей ладони. В левом жилетном кармане оказался особый инструмент. Двадцать длинных кольев, вставленных в спинку инструмента, напоминают забор перед двором вашего величества. Мы думаем, что этим инструментом Человек-Гора расчесывает свои волосы, но это только наше предположение. Мы избегали тревожить Человека-Гору вопросами, так как нам было очень трудно объясняться с ним.

В большом кармане с правой стороны средней покрывки Человека-Горы (так я перевожу слово «ранфуло», под которым они разумели штаны) мы увидели полый железный столб длиной в рост человека. Этот столб прикреплен к куску твердого дерева, более широкому, чем сам столб; с одной стороны столба торчат большие куски железа весьма странной формы, назначения которых мы не могли определить. Подобная же машина найдена и в левом кармане. В малом кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла различной величины. Иные из белых дисков так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их. По-видимому, они изготовлены из серебра.

В левом кармане мы нашли две черные колонны неправильной формы. Стоя на дне кармана, мы только с большим трудом могли достать рукой до их верхушки. В каждую колонну вставлена огромная стальная пластина. Полагая, что это опасные орудия, мы потребовали у Человека-Горы объяснить их употребление. Вынув оба орудия из футляров, он сказал, что в его стране одним из них бреют бороду, а другим — режут мясо.

Кроме того, на Человеке-Горе оказалось еще два кармана, куда мы не могли проникнуть. Человек-Гора называет эти карманы часовыми. Это две широкие щели, прорезанные в верхней части его средней крыши и сильно сжатые давлением его брюха. Из правого кармана спускается большая серебряная цепь; она прикреплена к диковинной машине, лежащей на дне кармана. Мы приказали ему вынуть эту машину; она оказалась похожей на шар; одна половина ее сделана из серебра, а другая из какого-то прозрачного металла. Заметя на этой стороне шара какие-то странные знаки, мы попробовали прикоснуться к ним; наши пальцы уперлись в это прозрачное вещество. Человек-Гора поднес эту машину к нашим ушам, и мы слышали непрерывный шум, похожий на шум колеса водяной мельницы. Мы полагаем, что это либо неизвестное нам животное, либо почитаемое им божество. Мы лично склоняемся к последнему мнению, потому что Человек-Гора сказал нам (если мы правильно поняли его слова), что он редко делает что-нибудь, не советуясь с ним. Этот предмет он называет своим оракулом и говорит, что он указывает время каждого шага его жизни. Из левого часового кармана Человек-Гора вынул большую сеть. По своим размерам она напоминает рыбачью, но устроена таким образом, что может закрываться и открываться наподобие кошелька. В сети мы нашли несколько массивных кусков желтого металла. Если это настоящее золото, то оно должно иметь огромную ценность.

Обыскав все карманы Человека-Горы, мы перешли к осмотру его пояса, сделанного из кожи какого-то громадного животного. С левой стороны на этом поясе висит сабля длиною в пять раз больше среднего человеческого роста, а с правой – сумка или мешок с двумя отделениями. В каждом из этих отделений можно поместить трех подданных вашего величества. В одном отделении мы нашли множество шаров величиной почти с нашу голову. Все они сделаны из необычайно тяжелого металла. Требуется большая сила, чтобы поднять такой шар. В другом отделении насыпаны какие-то черные зерна, довольно мелкие и легкие. Мы могли удержать на ладони до пяти-десяти зерен.

Такова точная опись всего, что мы нашли при обыске Человека-Горы. Во все время обыска он держал себя вежливо и с подобающим почтением к исполнителям приказаний вашего величества.

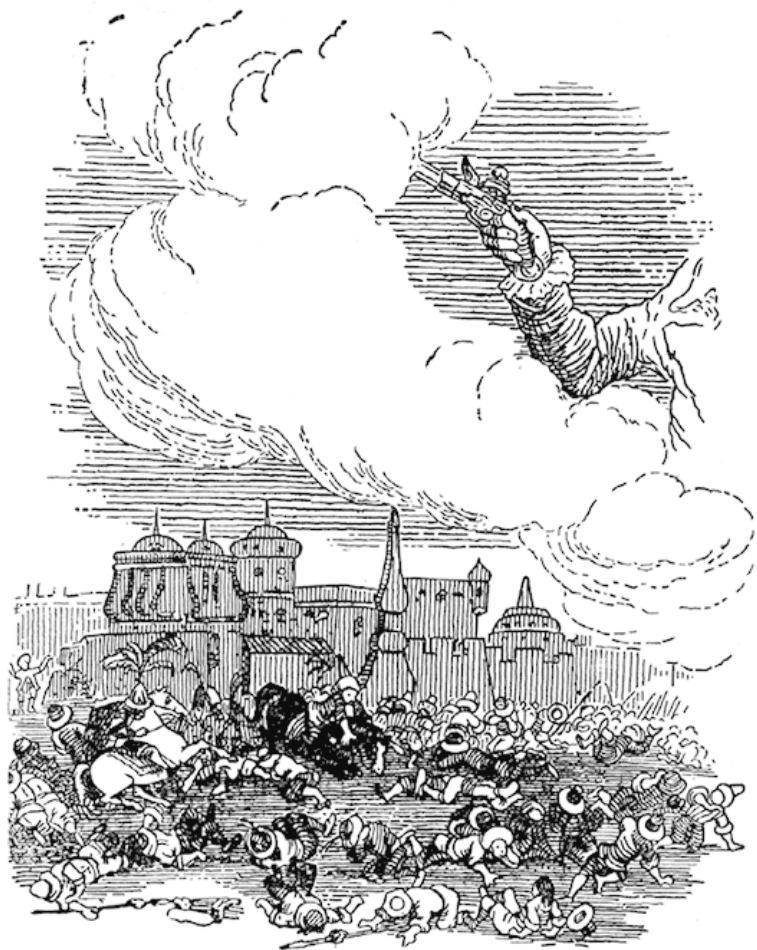
Скреплено подписью и приложением печати в четвертый день восемьдесят девятой луны благополучного царствования нашего величества.

*КЛЕФРИН ФРЕЛОК
МАРСИ ФРЕЛОК».*

Когда эта опись была прочитана императору, его величество очень вежливо предложил мне отдать некоторые из перечисленных в ней вещей. Прежде всего он указал на мою саблю. Я тотчас же снял ее вместе с ножнами и всеми принадлежностями. Тем временем император приказал трем ты-

сячам отборных войск (которые в этот день несли охрану его величества) окружить меня, держа луки наготове. Впрочем, я и не заметил этого, так как глаза мои были устремлены на его величество.

Император пожелал, чтобы я обнажил саблю. Я повиновался и несколько раз взмахнул ею над головой. Солдаты не могли удержаться от громких криков ужаса и изумления. Сабля несколько заржавела от морской воды, но все-таки блестела довольно ярко. Солнечные лучи, отражаясь от полированной стали, прямо ослепили присутствующих. Его величество, храбрейший из монархов, испугался меньше, чем я мог ожидать. Он приказал мне вложить саблю в ножны и возможно осторожнее бросить ее на землю футов за шесть от конца моей цепи.

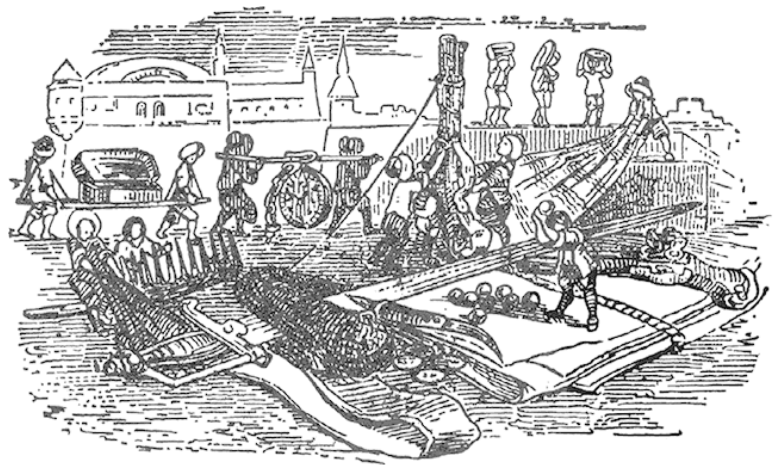
Затем он потребовал показать один из полых железных

столбов, как они называли мои карманные пистолеты. Я вынул пистолет и, по просьбе императора, объяснил, как мог, его употребление. Затем я зарядил его одним порохом (благодаря наглухо закрытой пороховнице он оказался совершенно сухим) и, предупредив императора, чтобы он не испугался, выстрелил в воздух. На этот раз впечатление было гораздо сильнее, чем от сабли. Сотни людей повалились на землю, словно пораженные насмерть. Даже сам император, хотя и устоял на ногах, некоторое время не мог прийти в себя. Я отдал оба пистолета, а также и сумку с боевыми припасами. При этом я просил его величество держать порох подальше от огня, так как от малейшей искры он может воспламениться и взорвать на воздух императорский дворец.

Отдал я и часы. Император осмотрел их с большим любопытством и приказал двум самым сильным гвардейцам унести их, надев на шест. Гвардейцы надели часы на крепкий шест и, подняв на плечи, унесли прочь, как в Англии таскают бочонки с элем. Всего более поразили императора непрерывный шум часового механизма и движение минутной стрелки. Лилипуты обладают несравненно лучшим зрением, чем мы, и его величество сразу заметил, что эта стрелка находится в непрерывном движении. Он предложил ученым выяснить, для чего служит эта машина. Но читатель и сам догадается, что ученые не пришли ни к какому единодушному заключению. Все их предположения были весьма далеки от истины.

Затем я сдал серебряные и медные деньги, кошелек с десятью крупными и несколькими мелкими золотыми монетами, нож, бритву, гребень, серебряную табакерку, носовой платок и записную книжку. Сабля, пистолеты и сумка с порохом и пулями были отправлены на телегах в арсенал его величества. Остальные вещи император приказал вернуть мне.

Я уже упоминал, что я не показал чиновникам секретного кармана. В нем лежали очки, карманная подзорная труба и несколько других мелочей. Эти вещи не представляли никакого интереса для императора, а между тем их легко было испортить, разбить или сломать при переноске, поэтому я счел возможным, не нарушая данного мною слова, утаить их от императорских чиновников.

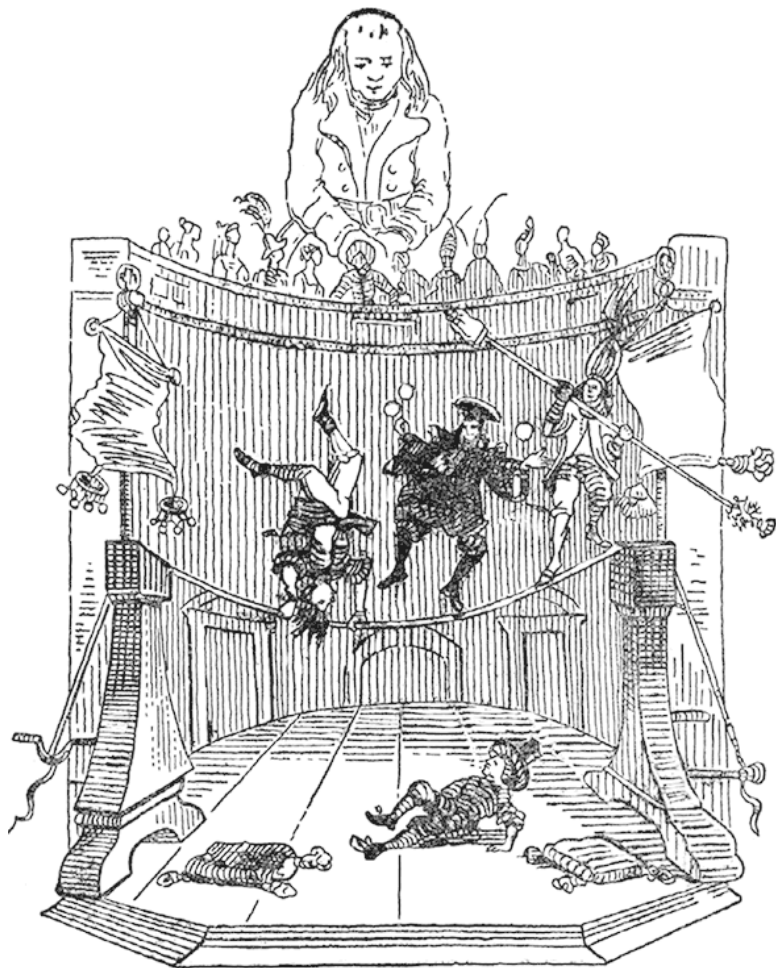

Глава третья

Автор весьма оригинально развлекает императора, придворных дам и кавалеров. Описание развлечений при дворе в Лилипутии. Автору на определенных условиях даруется свобода.

Мое кроткое и мирное поведение завоевало мне такое расположение со стороны императора, двора, армии и всего народа, что я мог надеяться скоро получить свободу. Я всячески стремился укрепить благоприятное мнение обо мне. Иногда я ложился на землю и позволял пятерым или шестерым лилипутам плясать на моей руке. Под конец даже дети отваживались играть в прятки в моих волосах. Я научился довольно сносно понимать и говорить на их языке.

Однажды императору пришла мысль развлечь меня акробатическим представлением. В устройстве таких представлений лилипуты своею ловкостью и великолепием превосходят все народы, какие я только знаю. Больше всего поразили меня упражнения канатных плясунов, которые выполняются на тонких белых нитках длиною в два фута, натянутых на высоте двенадцати дюймов от земли. На этом представлении я хочу остановиться несколько подробнее и попрошу у читателя немного терпения.

Исполнять упражнения на канате могут только те лица,

которые состоят в кандидатах на высокие должности и ищут благоволения двора. Они с молодых лет обучаются этому искусству и не всегда отличаются благородным происхождением или широким образованием. Когда открывается вакансия на важную должность, вследствие смерти или опалы (что случается часто) какого-нибудь вельможи, пять или шесть таких соискателей подают прошение императору разрешить им развлечь его императорское величество и двор танцами на канате. Тот, кто прыгнет выше всех, не сорвавшись с каната, получает вакантную должность. Даже министры нередко получают приказ от императора показать свою ловкость и тем доказать, что они не утратили своих способностей. Канцлер казначейства Флимнап пользуется особой славой за свои прыжки^[6]. Ему удалось подпрыгнуть на туго натянутом канате по крайней мере на дюйм выше, чем всем другим сановникам империи. Мне пришлось видеть, как он несколько раз подряд перекувырнулся через голову на небольшой доске, прикрепленной к канату толщиной не более английской бечевки. Мой друг Рельдресель, главный секретарь тайного совета – если только привязанность к нему не ослепляет меня, – занимает второе место после канцлера казначейства.

Остальные сановники по своей ловкости мало отличаются друг от друга.

Эти состязания часто сопровождаются несчастными случаями. Я сам видел, как два или три соискателя причинили себе увечья. Но опасность становится еще больше, когда са-

ми министры получают повеление показать свою ловкость. Желая отличиться, они проявляют такое рвение, что редко кто из них не срывается и не падает. Меня уверяли, что за год или за два до моего прибытия Флимнап едва не сломал себе шею. К счастью, он упал на подушку, случайно оказавшуюся на полу, и благодаря этому избежал смерти.

Иногда при дворе устраивают совсем особенное представление, на котором присутствуют только император, императрица и первый министр. Император кладет на стол три тонкие шелковые нити – синюю, красную и зеленую, в шесть дюймов длины каждая. Эти нити предназначены в награду лицам, которых император пожелает отличить особым знаком своей благосклонности. Церемония происходит в большом тронном зале его величества. Здесь соискатели подвергаются особым испытаниям в ловкости, каких никогда не приходилось наблюдать в странах Старого и Нового света. Император держит в руках палку в горизонтальном положении, а соискатели по очереди то перепрыгивают через палку, то подползают под нее, смотря по тому, поднята палка или опущена. Иногда другой конец палки держит первый министр, иногда же палку держит только министр. Того, кто лучше всех проделает эти упражнения, награждают синей нитью; красная дается второму по ловкости, а зеленая – третьему^[7]. Пожалованную нить носят в виде пояса, обматывая ее дважды вокруг талии. При дворе редко можно встретить особу без такого пояса.

Конюхи каждый день объезжали поблизости от меня лошадей из полковых и королевских конюшен. Поэтому лошади скоро перестали меня бояться, не кидались от меня в сторону и подходили к самым моим ногам. Я клал на землю руку, и всадники заставляли лошадей перескакивать через нее, а раз императорский ловчий на рослом коне перепрыгнул даже через мою ногу, обутую в башмак. Это был поистине удивительный прыжок.

Мне удалось придумать для императора необычайное раз-

влечение. Я попросил достать мне несколько палок длиной в два фута и толщиной с обыкновенную трость. Его величество приказал главному лесничему сделать соответствующие распоряжения, и на следующее утро семь лесников привезли требуемое на шести телегах, с восемью лошадьми в каждой упряжке.

Я взял девять палок и крепко вбил их в землю в виде квадрата, каждая сторона которого была длиной в два с половиной фута; на этих девяти кольях я туго натянул носовой платок, а сверху прикрепил к четырем углам квадрата еще четыре палки параллельно земле. Эти палки, возвышаясь над платком приблизительно на пять дюймов, образовали с каждой стороны нечто вроде барьера.

Окончив эти приготовления, я попросил императора отрядить двадцать четыре лучших кавалериста для упражнений на устроенной мною площадке. Его величество одобрил мое предложение. Когда кавалеристы явились, я поднял их одного за другим и посадил на платок. Построившись, они разделились на два отряда и начали маневры: пускали друг в друга тупые стрелы, бросались друг на друга с обнаженными саблями; то обращались в бегство, то преследовали друг друга, то вели атаку, то отступали. При этом они показали лучшую военную выучку, какую мне когда-либо случалось видеть. Горизонтальные палки не позволяли всадникам и их лошадям упасть с площадки. Император пришел в такой восторг, что заставил меня несколько дней подряд повторять это

развлечение и однажды соизволил сам подняться на площадку и лично командовать маневрами. С большим трудом ему удалось убедить императрицу разрешить мне поддержать ее в закрытом кресле на расстоянии двух ярдов от площадки, так что она могла хорошо видеть все представление. К счастью для меня, все эти упражнения прошли благополучно. Раз только горячая лошадь одного из офицеров пробила копытом дыру в моем носовом платке и, споткнувшись, упала и опрокинула своего седока. Я немедленно пришел им на помощь. Прикрыв одной рукой дыру, я спустил всю кавалерию на землю. Упавшая лошадь вывихнула левую переднюю ногу, но всадник не пострадал. Я тщательно починил платок, но с тех пор перестал доверять его прочности при подобных опасных упражнениях.

Однажды – дело было за два или за три дня до моего освобождения – я развлекал двор разными выдумками. Внезапно к его величеству прибыл гонец с донесением, что несколько его подданных поблизости от того места, где меня нашли, заметили на земле громадное черное тело весьма странной формы. Посередине высота его достигает человеческого роста, тогда как края его очень низкие и широкие. Оно занимает площадь, равную спальне его величества. Первоначально они опасались, что это какое-то невиданное животное. Однако скоро убедились в противном. Это тело лежало на траве совершенно неподвижно, и они несколько раз обошли его кругом. Подсаживая друг друга, они взобрались на верши-

ну загадочного предмета; вершина оказалась плоской. Топая по телу ногами, они убедились, что оно внутри пустое. В заключение авторы донесения смиренно высказывали предположение, не принадлежит ли этот предмет Человеку-Горе, и заявляли, что берутся доставить его с помощью всего только пяти лошадей в столицу.

Я тотчас догадался, о чем шла речь, и сердечно обрадовался этому известию. По-видимому, добравшись после кораблекрушения до берега, я был так расстроен, что не заметил, как у меня слетела шляпа. Еще в лодке я крепко стянул ее шнурком под подбородком, а очутившись в воде, плотно нахлобучил ее на уши. Когда я выбрался на сушу, я был так утомлен, что совсем забыл про нее. Шнурок, вероятно, развязался, шляпа свалилась, и я решил, что она потерялась в волнах.

Объяснив его величеству, что это за вещь, я убедительно просил его отдать распоряжение о немедленной доставке шляпы в столицу. На другой день шляпу привезли. Однако возчики не поцеремонились с ней. Они пробили в полях две дыры, проделали в них крючки на длинных веревках и прицепили веревки к упряжке. Они волокли таким образом мой головной убор добрых полмили.

К счастью, поверхность земли в этой стране необычайно ровная и гладкая, и шляпа получила меньше повреждений, чем я ожидал.

Спустя две недели после описанного происшествия им-

ператор отдал приказ по армии, расположенной в столице и окрестностях, быть готовой к выступлению. Его величеству пришла фантазия доставить себе довольно странное развлечение. Он пожелал, чтобы я стал в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире^[8]. Потом приказал главнокомандующему (старому опытному военачальнику и моему большому покровителю) построить войска сомкнутыми рядами и провести их между моими ногами церемониальным маршем, с барабанным боем, развернутыми знаменами и поднятыми пиками – пехоту по двадцать четыре человека в ряд, а кавалерию – по шестнадцать. Армия состояла из трех тысяч пехоты и тысячи кавалерии. Парад прошел блестяще и доставил большое удовольствие его величеству.

Я подал императору столько прошений и докладных записок о даровании мне свободы, что его величество поставил наконец вопрос на обсуждение министров, а потом – государственного совета. В совете нашелся только один про-

тивник моего освобождения – Скайреш Болголам, которому угодно было, без всякого повода с моей стороны, стать моим смертельным врагом. Но, несмотря на его противодействие, дело было решено в мою пользу. Болголам занимал пост гальбета, то есть адмирала королевского флота, пользовался большим доверием императора и был человеком весьма сведущим в своем деле, но угрюмым и резким. В конце концов его удалось уговорить дать свое согласие, но он настоял, чтобы ему было поручено составление условий, на которых я мог получить свободу. Условия эти Скайреш Болголам доставил мне лично, в сопровождении двух секретарей и нескольких знатных особ. Когда они были прочитаны, с меня взяли присягу в том, что я не нарушу их. Обряд присяги был совершен сперва по обычаям моей родины, а затем по всем правилам, установленным местными законами. Произнося клятву, я должен был держать правую ногу в левой руке и одновременно положить средний палец правой руки на темя, а большой – на верхушку правого уха. Но, быть может, читателю любопытно будет ознакомиться с теми обязательствами, какие мне пришлось взять на себя. Поэтому я приведу здесь полный и точный перевод означенного документа.

«Гольбасто Момарен Эвлем Гердайло Шефин Молли Олли Гу, могущественнейший император Лилипутии, отрада и ужас вселенной, чьи владения, занимая пять тысяч блестрегов (около двенадцати миль в окружности), распространяются до крайних пределов земного шара; монарх над монархами, величайший из сынов человеческих, ногами своими упирающийся в центр земли, а головой касающийся солнца, при одном мановении которого трясутся колени у земных царей; приятный, как весна, благодетельный, как лето, обильный, как осень, и суровый, как зима. Его высочайшее величество предлагает недавно прибывшему в наши небесные владения Человеку-Горе следующие условия, которые Человек-Гора под

торжественной присягой обязуется исполнять:

1. Человек-Гора не имеет права оставить наше государство без нашей разрешительной грамоты с приложением большой печати.

2. Он не имеет права входить в столицу без нашего особого распоряжения, причем жители должны быть предупреждены за два часа, чтобы успеть укрыться в своих домах.

3. Названный Человек-Гора должен ограничивать свои прогулки большими дорогами. Он не смеет гулять или ложиться на лугах и полях.

4. Во время прогулок он должен внимательно смотреть под ноги, дабы не растоптать кого-нибудь из наших любезных подданных или их лошадей и телег; он не должен брать в руки подданных без их согласия.

5. Если потребуется быстро доставить гонца в какой-нибудь отдаленный город империи, Человек-Гора обязан – но не чаще одного раза в луну – немедленно перенести гонца вместе с лошадыю на расстояние шести дней пути и, если потребуется, доставить названного гонца в целости и сохранности обратно к нашему императорскому величеству.

6. Он обязуется быть нашим союзником в войне против враждебного нам острова Блефуску и употребить все усилия для уничтожения неприятельского флота, который в настоящее время снаряжается для нападения на нас^[9].

7. Упомянутый Человек-Гора в часы досуга обязуется оказывать помощь нашим рабочим, поднимая

особенно тяжелые камни при сооружении стены главного парка, а также при постройке других зданий.

8. Упомянутый Человек-Гора должен в течение двух лун точно измерить окружность наших владений, обойдя все побережье и сосчитав число пройденных шагов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Вандименова Земля – прежнее название острова Тасмания, расположенного к юго-востоку от Австралии.

2.

«...движения грациозные, осанка величественная». – По замыслу автора, король Лилипутии должен был напоминать английского короля Георга I, находившегося у власти с 1714 по 1727 год. Из осторожности Свифт не решился придать лилипутскому королю портретного сходства с некрасивым и низкорослым Георгом, но зато распространил сходство на некоторые черты характера последнего. Подобно Георгу I, лилипутский король отличался большой скупостью и почти не вмешивался в дела правления, фактически передоверив заботы о государстве своим министрам.

3.

«...ему двадцать восемь лет и девять месяцев». – Свифт хочет подчеркнуть этим, что жизнь лилипутов менее продолжительна, чем жизнь обычного человека.

4.

«...юбка, вышитая золотом и серебром». – Намек на современные Свифту моды. Одежды аристократок начала XVIII века отличались необыкновенной пышностью,

были расшиты золотыми и серебряными шнурами, унизаны драгоценными камнями. Одно такое платье нередко стоило целого состояния.

5.

«...и составили подробную опись всему, что нашли». – Здесь осмеивается деятельность тайного комитета, учрежденного главным министром Георга I Робертом Уолполем для борьбы с якобитами, то есть сторонниками свержения Георга I и возведения на престол «претендента» – сына Якова II Стюарта, короля, изгнанного из Англии во время революции 1688 года. Свифт с большим искусством описывает обыск Гулливера подозрительными, невежественными чиновниками, которые даже не сумели понять назначения найденных ими предметов, но зато обстоятельно их описали в своем протоколе.

6.

«...Флимнап пользуется особой славой за свои прыжки». – Под именем Флимнапа выводится ненавистный Свифту премьер-министр Роберт Уолполь, стоявший с 1721 года во главе министерства вигов (о тори и вигах см. в послесловии). Политическую деятельность Уолполя Свифт уподобляет ловким прыжкам канатного плясуна.

7.

«...красная дается второму по ловкости, а зеленая – третьему». – Синяя, красная, зеленая нити – цвета английских орденов Подвязки, Бани и святого Андрея.

8.

«...в позу Колосса Родосского, раздвинув ноги насколько возможно шире». – Колосс Родосский – медная статуя высотой в 72 метра, стоявшая у входа в гавань города Родос. По преданию, широко расставленные ноги этой статуи служили воротами для прохода кораблей.

9.

«...снаряжается для нападения на нас». – Отношения между Лилипутией и Блефуску разительно напоминают Англию и Францию периода войны за испанское наследство (1702–1713). Чтобы намеки не были столь очевидными, Свифт располагает Лилипутию на континенте, а Блефуску – на острове.